

Шурыпа

Жил старичек, не велик — с кулачек, и ходил он в кабачек. Рукавички за́ поясом, а другé-то ищет. У того старичка было три сына. Старичек был порядочный: он разумом был недовольный, рассудок был хорош. Был неурожай: хлеб убывает и денег не прибывает. Три сыночка по улице играют, своему тятеньке припену не пригоняют. И говорит отец детям: «Ох, вы, дети умны, хоть бы один из вас пришел ко мне на час!» Приходит большак тотчас. «Здравствуй, батюшка, пришел до вас. Вы меня благословите, в путь дорогу проводите, да деньжонками наградите». Старик и говорит: «А что, сынок, пойдем деньги проживать, или больше наживать». Сын ему говорит: «Я, батюшка, не деньги проживать, а больше наживать. Да-ка сотенку на дорожку, на ассигнации сто рублей!» Вот отец вынул, в путь-дорогу сына отправил. Тот взял и пошел. Идет путем-дорогой, является отец духовный. «Здравствуй, свет! Я вижу у тебя и ума-то нет. Ты куды же идешь? Деньги что ли добывать, или послéдни проживать?» — «Я пошел, батюшка, не деньги проживать, а работушку работáть, чёрну пашенку пахать». Поп и говорит: «Бросим мы пашенку пахать: прошла красна весна, пришла холодная зима; вот молотить да стук — тут и хлебец вдруг. Наймись-ка, свет, в работники. У меня работа лёгка. Вот расскажу тебе: у меня-то на гумне овинчик насадить, той же ночь обмолотить, привезти во дворец; смелешь — будешь молодец! Плата сто рублей, а не исправишь мое дело, сто рублей с тебя». Он разумом не собрался, на работу собирался. Трое суток работáл, сто рублей растерял. Пришел домой пешком с худым мешком. Увидал его отец. «Ох, да ох, — говорит, — что сынок? Целы ли денежки?» — «Денежки я, тятенька, растерял, а сам пó миру собирал. Вот да и бросим, погодим». Старик говорит: «А нет ли новенького чего?» Второй сын, умная голова, пришел со двора. «Уж ты, батюшка родной, есть ли денежки с тобой?» — «Есть да немножко: одна сотенка». Сын и говорит: «Да-ка мне». Отец говорит: «Ведь ты, сынок, глуп: не можешь деньги наживать». — «Ох да, батюшка, попытка не шутка, вот да не ваши — своё». Взял деньги и пошел. На встречу — опять отец духовный. «А вот, свет, куды держишь след?» — «Помесячно в работники наняться». Поп и говорит: «Наймись ко мне, свет... Один овин обмолотить, на меленке смолоть и мучку около ночи в амбар свезти. Цена вот тебе сто рублей. Не исправишь — с тебя сто рублей...» Средний согласился. Ночь прожил и работы не исполнил. Поп с него взыскал сто рублей и с двора его столкал. Приходит домой и наг

и бос, и голодный, и холодный. Отец ему и говорит: «Безумная голова, знать, ты далеко была. Ты пошел наживать, не хотел последнее проживать...» Средний сын ему и говорит: «Да и будет, тятенька, помолчи». Приходит малый брат и говорит тятеньке: «Нет ли последней сотенки?» Отец говорит: «Есть, сыночек, маслинный блиночек, ясён сокóл! Ты последни проживешь». Малый и говорит: «Я буду проживать, а вас не буду позабывать». Взял сотенку и пошел. Тем же путем-дорогой идет, идее его братья ходили и деньги растеряли. Пошел дорогой лытать, ихи деньги собирать. Идет навстречу поп. «Куды идешь, свет?» — «В работники наниматься». — «Наймись, свет, ко мне!» — «Пожалуй, батюшка». — «Ведь у меня работа-то лёгка». — «Чего делать-то?» — «Круг ночи овин насадить, обмолотить на рушнóй мельнице, смолотую муку в амбар ссыпать; за работу сто рублей, не исправишь — с тебя сто рублей». — «А если я сработаю, на́ ночь работы не хватит, так с вас сто рублей?» — «Ну, хорошо». Вот приходит к попу. «Ну-ка, батюшка, где мне гумно?» Отводит ему поп величающий подёнок и большой овин. «Вот тебе, работник, гумно и овин». Работник запрёг лошадушку и растворил ворота, выпустил скотину и подпустил к подёнку. Он так тряслá, все снопы домой унесла, и осталось два-четыре. Работник взял их и потащил в овин: четыре угла — во все четыре по снопу, насадил и сейчас обмолотил. Приходит к попу. «Уж ты, батюшка, да-ка мне лошадку хорóшу, а то всю работу брошу». Поп и говорит: «Чтó хочешь, то и бери, да рожь-то смели». Работник пошел, запрёг сивенького, хрóменького меренишка в излóманы санишки, взял худенький положишко, пошел рожь насыпать и говорит попу: «Батюшка, да-ка большую-то пудовку, с которой ты на Рождество ходишь». — «Тут на крыльце, работник». Взял он да и понес. Наложил в санки землицы, наверх положил полог, а на него три пудовки ржи насыпал и поехал. Вернулся к попу. Сивенький хромой-то меренишко крепко хромает, ничего не знает, а работник одной рукой придáрживает, голосом покрикивает: «Ну-ка, сивенький, вези, а ты, батюшка, в окошечко гляди!» Поп обрадовался, кинулся к окну: работник-то больно хорош, скоро, живо воз привез. «Вези-ка во двор, померям!» Работник был не плох, ну да ему разум-то дал Бог: он взял меру с собой, оборотил ее вверх дном, насы́пал ровно; сделал в грёбло и говорит: «Батюшка, считайте! Двадцать тут полных, а пёрва-то не полна́». Поп говорит: «Как знашь, так и делай, свет». Работник умен: пошел на мельницу, засыпáл, дырочку рукавом затыкáл и в санки готовой муки насыпáл. Полночь пришла, работник к попу с мукой приехал. «Ну, долговязый пес, давай разчет! Овин ночь насадил, обмолотил, на мельнице смолол и тебе привез». Поп говорит: «Ох, свет, любишь или нет? Еще свету

нет, сходи-ка, работник, в келейку, вон там у меня сталовер, он на исповеди тридцать лет не был. Я заплачу́, только притащи».

Пришел работник в келейку, хватъ — а там чёрт. Он цоп его за́ косы, да и попёр из бани ти, и прет к попу в избу. Попадья-то: «Ай, ай, ай! Нет, пусти, работник, его в конюшню: теперь не́коли». Он его — в конюшню. Запер, приходит к попу. «Батюшка, дай разчет! Не хочу работать. Ты на ночь меня нанимал овин обмолотить и смолоть; я дело кончил». Поп говорит: «Работник, пособи пожалуйста: у меня вот овчи́шки убежали». — «Куды еще, долговязый пес?» — «Вот тут недалечко, в ко́лочек». — «Да-ка конопель: овец без кнута-то не загонишь». Взял конопель, свил кнут, долкий как тяж, и пошел куды нужно. Смотрит: бегут волк по волку, вдруг десяток. Он их грох кнутом; они испугались, к попову двору помчались. Попадья испугалась: «Ах, батюшки, поп, что это? Вот де смерть-то наша! Волков пригнал! Куды денемся?» Поп кричит в окно: «Пущай их, работник, на волю: стричь не́коли». Работник говорит: «Врешь, батюшка, хоть одну оставлю». Цоп, что ни есть лучшего, крупного волка и посадил его к чёрту, в конюшню. Приходит к попу: «Давай разчет! Не хочу работáть». Поп говорит: «Работник, потерпи до зари: мелких денег нет. Сходи за буренкой: она не ночевала, в лесу видно осталась». — «Де она?» — «Вот тут в лесу, не доёна ушла». Работник пошел. Он думал буренка, а ин медведь. Цоп его кнутом, захватил за шею и попер к попу, тащит. Поп смотрит: «Попадья, батюшки, медведя тащит!» Втащил на двор. «Матушка, дой!» — «Ох, работник, пусти его, пущай погулят». — «Ну нет, не пущу, а в конюшню посажу». И медведя запер. «Давай разчет! Зорька занялась». Поп и говорит: «Вот что: свари-ка каши́цы, позавтракам, да разчитамся. В каши́цу-то положь-ка пёршу, да и лушку, да солёну». — «Ладно, батюшка, сварю». Развел на тагане огонек, заварил каши́цу; подбежал попов сын Пирка, он его цоп да и бултых в котел. Была у попа дочь Лушка; поп-от велел класть луку, а работник думал Лу́шку. Он и ее — туды. Поп сказал: «Положи соли», — велел сделать солёну, а работник думал Олёну. Он и Олену — туды. Сварил и протведал. Поспела; приходит к попу: «Ну-ка, дава-ка завтракать, да давай разчет!» Сели завтракать. Поп говорит: «Попадья, скричи ребятишек! Пирку кричи, Лушку да Олену кричи!» — «Что за чёрт у тебя за Пирка, за Лушка? Они все в котле. Ведь ты мне сказал: положи Першу да Лукшу, да Солёну...» — «Эх, озорник! Я тебе говорил положить перцу, луку да соли». — «Да чёрт ли тебя знал? А я всех их собра́л, в котел поклат. Давай разчет!» Делать нечего, сели да позавтракали. Стали поп с попадьей думу думать, как с работником рассчитаться. А работник кричи: «Поп, давай разчет!» — «Ох, работник, денег-то нет». — «Ну, ну, ну! Денег нет... Я тебе дам!» — «Пожалуйста,

работник, сделай милость, съезди к царю. Я ему пять пудовок золота давал взаймы. Если привезешь, все твои будут». — «Обманешь, поп!» — «Нет, не обману, работник».

Вот работник запрёг медведя в корень, чёрта — в пристёжку, волка в другую, сам сел на козлы и понёсся! Без допроса, без доклада — прямо к царю. Царские слуги его приостановили и говорят: «Что за невежа?» Он прямо к царю; цоп его за́ ворот! Царь испугался, не знат чего говорить. «Отдай пять пудовок золота поповых!» Думал, думал царь и говорит: «А что, — говорит, — господин, не умеешь ли? У меня дочь нездорова: прикачнулся налётный дьявол. Не можете ли вы ее отходить и поповых пять мер золота получить? Еще своих вам пять мер даю. Кто ты сам таков?» — «Я — Шуры́па. Ведите меня к ней! Где она у вас?» Привели к ней, а он на ней верхом сидит. Как Шурыпа в комнату вошел, сгрёб чёрта за длинные волосы, стащил, да и ну-ну-ну! Волосы ему все выдрал, столкнул с постели и сам с ней лёг. Лежит. Чёрт перед ним стоит и говорит: «Шу-ры-па, да пусти меня, я хоть ее поцелую!» — «Уйди, чёрт, убью!» — «Да я хоть погляжу». Скочил Шурыпа, да за ним. Он — в дверь и убежал к дедушке. «Что, как дела?» — спросил дедушка. «Совсем, дедушка, моя; да какой-то Шурыпа приехал и с постели меня согнал». — «Ну, — говорит дедушка, — поди, согласишься с ним подраться по́ три раз. Кто перед кем потерпит, того и девка». Побежал чертенок к Шурыпе. «Шуры-па!» — «Что, чёрт?» — «Вот что дедушка сказал». — «Что он, старый пес, тебе сказал там?» — «Давай по́ три раз подеремся; кто кого обидит?» — «Ты, чёрт, спятишься; я вытерплю». — «Нет, Шурыпа, я не спячусь». — «Ну, давай, завтра приходи!» Чёрт убежал, а Шурыпа велел, чтобы были чем свет три шляпы железных ему на голову, и чтобы кулак на́ руку, десяти фунтовой, железный. Чем свет у царя все готово. Три шляпы железных принесли и кулак железный. Шурыпа кулак взял и на́ руку надел, а три шляпы на́ голову. Лежит себе. Бежит чёрт. «Шурыпа, давай драться!» — «Давай, да чтобы не пятиться!» — «Давай кониться, Шурыпа, кому прежде кого бить». Досталось чёрту Шурыпу бить. Шурыпа слез с кровати, встал и стоит как пенёк. Чёрт развернулся да и стук.! Шурыпа стоит невредим. Раз ударил. «Эх, Шурыпа, как я руку-то отшиб!» — «Ну, ну, бей, чёрт, еще больнее!» Тот его крепко три раза ударил. «Ну-ка, чёрт, стой! Топерь я запалю». Поднял кулак, да как цопнет, чёрт индо повернулся и говорит: «Шу-ры-па, а ты тихонько; больно ты дерешься!» Шурыпа развернулся, в другой-то раз еще больней запулил. Чёрт айда драла. Шурыпа за ним. «Стой, стой! Куды? ты меня три раз, а я тебя один!»

Чёрт прибежал к дедушке: «Дедушка, он мне голову расшиб! Где мне с ним драться?» — «Поди, — сказал дедушка, — поиграй с ним до трех раз чехардой-ездой». Является чёрт к Шурыпе: «Шу-ры-па!» — «Ты что, чёрт, еще?» — «Да вот что дедушка сказал». — «Что еще он там, старый пес?» — «Давай до трех раз чехардой-ездой поиграю!» — «Врешь, чёрт, не вытерпишь! За тобой плюха пропала». — «Нет, вытерплю, Шурыпа!» — «Ну, давай! Через часик зайди!» Чёрт ушел, а Шурыпа приказал содрать три вола дудкой со всеми четырьмя ногами и велел Шурыпа сделать железные перчатки с острыми когтями. Царь распорядился; исправили дело, принесли. Чёрт приходит, Шурыпа и говорит: «Ну, что же ты пришел?» — «Давай, поиграю что ли?» — «Не вытерпишь чёрт! На тебе еще плюха осталась, а коли топерь останется, так мотри, что будет! Ну-ка, покони́мся!» Стали кони́ться, опять чёрту досталось на Шурыпу прыгать. Шурыпа надел на себя три шкуры, стал к стенке и протянулся. «Ну-ка, чёрт, прыгай, да мотри руками-ти хлопай!» Вот чёрт раз прыгнул и в ладоши похлопал, и когти в шкуру запустил, и шкуру всю содрал. (Чёрт не узнал: он думал, что Шурыпина шкура-то, а ин бычья). Он три раза махал, все три шкуры снял. «Ну-ка, чёрт, ты посто-ка топерь!» Вот чёрт стоит да назад поглядывает. Шурыпа надел перчатки железные, прыгнул, всадил в чёрта когти, выдернул да похлопал — так из чёрта индо кровь полила. «А ты, Шу-ры-па, ти-хонь-ко!» — «Стой, стой, не мотайся! Я терпел». Прыгнул, захлопал: «Раз!» Разбежался да два, и так всадил, что чёрт упал, из избы без памяти побежал. Вот Шурыпа за ним. «Постой, постой, чёрт! Плюха-то за тобой осталась, и прыжок-от пропал! Ну, придешь — я тебе дам!» Чёрт к дедушке убежал, все страсти рассказал. «Да, дединька, он два раза-то прыгнул и шкуру-то всю снял, и до мяса-то достал. Погляди-ка, кровь течет. Я не пойду».

Шурыпа лег, с царёвой дочерью полёживат. Вот чёрт думал, думал, опять пошел. А царская дочь могла по горенке гулять. Чёрт приходит. Шурыпа приказал сделать такого человека с прóволоками, чтоб были железные клещи и молоты, и стоял бы как живой, разиня рот, и мог бы сжать, а мóлотами бить. Чёрт пришел и спрашивает: «Это кто?» — «Это дедушка мой». — «Да что он, Шурыпа, рот-то разинул?» — «Да он над тобой смеется, чёрт!» — «Шурыпа, я ему в рот-то нас..у да и домой уйду». — «Обманешь, не уйдешь?» — «Нет, уйду, Шурыпа». — «Ну, иди ближе, с...!» Вот чёрт к нему подошёл, он его цоп да и ну-ну-ну! Клещами-то его сжал, молотами-то сок, сок, сок! Он айда с ним бежать. Он его не пускат, да стук, стук! И до тех пор стучал, что чёрт чуть идет к Шурыпе и старичка этого тащит. «Шу-ры-па! Пусти Христа ради, Бог с тобой и с девкой! До жизни-веку не прийду!»

Отпустил его Шурыпа; он, как мóлонья, затопился. Так побежал, свой омут не узнал. В чистó поле убежал и топерь там бегат.

Шурыпа с девкой полежал и побежал к царю. «Живо пять пудовок попова золота! Живо!» Царь глядит, и дочери-то не рад. «Сейчас, сейчас, Шурыпа!» Насыпали ему пять пудовок золота, попова долга. Принял Шурыпа и говорит: «За работу пять пудовок! Живо!» Царь насыпал ему десять пудовок и проводил со двора. Вот Шурыпа запрёг медведя в корень, шута в пристёжку, а волка в другую, сел на кóзлы и понесся. Приезжает к попу. «Батюшка, долг принимайте от царя!» Попадья-то хны-хны-хны, а поп-то тыр-тыр-тыр! «Батюшка, не бойся! Оба будем богаты». Насыпал попу пять и себе пять; сам пошел домой и попа оставил, да и говорит: «Батюшка, прощай, я домой пойду». — «Бог с тобой!» И сказка вся, и сказывать нельзя.

(Абрам Новопольцев)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.